

УДК 792.7 / 792.071

ББК 85.36 / 85.33

Сариева Елена Анатольевна

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Государственный институт искусствознания; доцент, кафедра эстрадного искусства, Российский институт театрального искусства – ГИТИС, Москва
ORCID ID: 0000-0002-2883-773X
easarieva@mail.ru

Ключевые слова: эстрада, И.Ф. Горбунов, эстрадная маска, литературная маска, генерал Дитятин, монолог в образе, эстрадный рассказ, Вишняков Н.П.

Сариева Елена Анатольевна

Генерал Дитятин. Эстрадная маска – литературный персонаж – лите- ратурная маска

В статье проводится анализ первой маски на эстраде – маски генерала Дитятина. Она была создана в начале 1860-х годов артистом Александринского театра и первым профессиональным рассказчиком Иваном Федоровичем Горбуновым (1831–1895). Идея создания маски старого служака, ретрограда возникла после реформ в русской армии. Монологи от лица генерала Дитятина не выносились на концертную эстраду, а исполнялись на частных вечерах. В 1880-х годах маска потеряла актуальность. Генерал Дитятин, уже как литературный персонаж присутствует в рассказах И.Ф. Горбунова. Близки по духу генералу Дитятину литературные маски – Козьмы Пруtkова и майора Бурбонова. В начале XX века маска генерала Дитятина возродилась уже как литературная, через 12 лет после смерти своего создателя. В 1907 году в Санкт-Петербурге вышел сатирический сборник Вишнякова Н.П. (псевдоним – Л. Теннис) – писателя, публициста и автора трудов по военному праву. Надобность в сатирическом облике генерала появилась после поражения России в русско-японской войне, которая стала предвестником больших социальных и политических перемен в обществе.

Sarieva Elena A.

PhD (Art Science), Chief Researcher, State Institute for Art Studies; Associate Professor, Estrada Art Department, Russian University of Theatre Arts – GITIS, Moscow
ORCID ID: 0000-0002-2883-773X
easarieva@mail.ru

Key words: estrada, I.F. Gorbunov, pop mask, literary mask, general Dityatin, a monologue in the character, estrada story, Vishnyakov N.P.

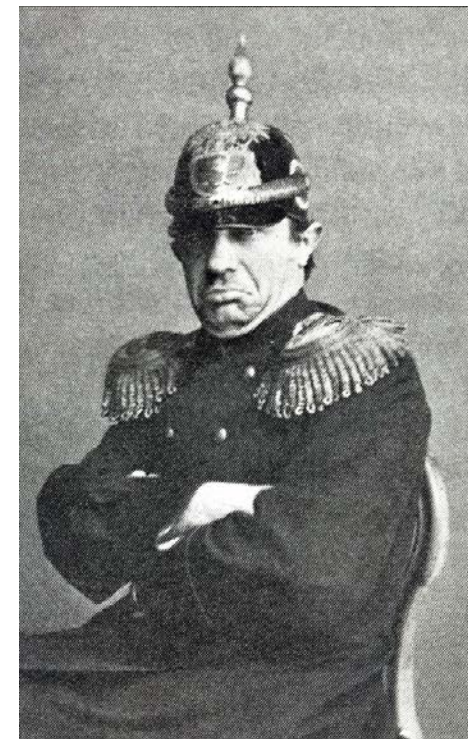
Sarieva Elena A.**General Dityatin. Pop Mask – Literary Character – Literary Mask**

The article analyzes the first mask on the estrada – the mask of General Dityatin. It was created in the early 1860s by the artist of the Alexandrinsky Theater and the first professional storyteller Ivan Fedorovich Gorbunov (1831–1895). The idea of creating a mask of an old servant, a retrograde arose after reforms in the Russian army. Monologues on behalf of General Dityatin were not submitted to the concert stage, but were performed at private evenings. In the 1880s, the mask lost its relevance. General Dityatin, already as a literary character, is present in the stories of I.F. Gorbunov. Literary masks – Kozma Prutkov and Major Burbonov are close in spirit to General Dityatin. At the beginning of the 20th century, the mask of General Dityatin was reborn as a literary one, 12 years after the death of its creator. In 1907, a satirical collection by N.P. Vishnyakov (pseudonym L. Tennis), a writer, publicist and author of works on military law, was published in St. Petersburg. The need for a satirical appearance of the general appeared after the defeat of Russia in the Russo-Japanese war, which became a harbinger of great social and political changes in society.

Идея создания маски генерала Дитятин связана с историческими событиями в России во второй половине XIX века, когда реформы Александра II коснулись русской армии. Военный министр граф Д.А. Милютин отправил «на покой» практически весь генералитет — военных сановников николаевской эпохи. Покидая свои «доходные места», старые служаки, цеплявшиеся за прошлое и презирующие реформы, стали объектами сатиры в современной журналистике и литературе. Одним из первых эту тему затронул Н.А. Некрасов в сатирической наброске «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году».

В начале 1860-х годов И.Ф. Горбунов начал импровизировать монологи от лица престарелого генерала для друзей на литературных вечерах. Так сложилась маска генерал-майора Бориса Петровича Дитятин 2-го. «Этот тип, созданный творческой фантазией остроумнейшего рассказчика-артиста Ивана Федоровича Горбунова, одним бытием своим воскрешает в нашей памяти то суровое время, в которое русское общество, убажваемое уверениями в несокрушимой силе русского государства, дремало без правого суда, без гласности, без печати, венчая собою все ужасы и язвы крепостного ига, и в полудремоте своей не думая, что, наконец, грянет же гром...», — отмечалось в характеристическом очерке генерала [1, с. 8–9].

Точное время создания маски относится к весне 1862 года, когда И.Ф. Горбунов в компании А.Н. Островского путешествовал по Европе. В письме, адресованном А.Н. Островским П.М. Садовскому по пути из Турина в Париж, И.Ф. Горбунов своей рукой делает приписку: «Внушайте детям вашим, что только нравственность, одна нравственность и коммерческое училище дают ход молодому человеку. Чтение соблазнительных сочинений неминуемо влечет за собою дурные последствия» [11]. Подпись в конце письма: Дитятин — 2, 14/26 мая 1862 года. По приезде в Париж И.Ф. Горбунов отметил в своем дневнике: «14/V 1862 г. обедали с Тургеневым и Кавелиным в Пале-Рояле. Изображал генерала. Кавелин был очень доволен» [2, с. 410]. С тех пор генерал бывал всюду и всюду говорил. Он произносил не только спичи и тосты на обедах и торжествах, он участвовал в беседах, в диспутах, вставлял свое веское слово в ученые споры, предъявлял свое суждение

Илл. 1. И.Ф. Горбунов — генерал Дитятин. 1886 г.

в гостиных и заявлял мнение в дипломатических салонах — и всюду и всегда с неизменным блеском.

Анализировать тексты монологов генерала Дитятин нелегко, потому что они не записывались И.Ф. Горбуновым. Обычно это были быстро рожденные «по случаю» экспромты. Развернутые монологи Дитятин представляли собой речи по торжественным случаям или тосты, в которых суждения генерала на современные темы перемежались отдельными эпизодами из его собственной биографии. «Рассказы его создаются творческою фантазией И.Ф. Горбунова совершенно экспромтом, — писала «Русская старина» в 1883 году. — И также скоро забываются артистом или преобразовываются им совершенно под влиянием другой остановки и других обстоятельств, среди которых повторяется тот или другой рассказ из жизни или из воззрений

почтенного генерала Дитятина на различные явления современной жизни» [1, с. 8–9].

Монологи генерала Дитятина не исполнялись перед широкой публикой, только на закрытых вечерах среди знакомых и единомышленников. Поэтому главный источник — воспоминания современников, в памяти которых остались тусклый взор И.Ф. Горбунова-Дитятина и отвисшая нижняя губа, добрая беспомощная улыбка, детский смех и глухой старческий голос. Слушатели и собеседники относились к генералу Дитятину по-разному: одни находили его остроумным и забавным, другие относились насмешливо, третьи — с жалостью. Это лишний раз доказывает сложность и многогранность образа. «Жизненность Дитятинского типа заключалась в том, — пишет В.К. Истомин — что при всем глубоком юморе он был не карикатурен, что генерал Дитятин был олицетворением не одних отживших мыслей, но и природного ума, наблюдательности и подчас весьма разумной критики» [8, с. 391].

Сохранилось несколько фотографий И.Ф. Горбунова в образе генерала Дитятина. На одной из них И.Ф. Горбунов сфотографирован в мундире, со сложенными на груди руками, в армейской каске со старомодным орлом, держащим в лапах перуны и венки. Таким, в своей непреклонности и добродушной строгости, и должен был быть незабвенный генерал. На фотографиях — послания от лица генерала друзьям, написанные дрожащим «старческим» почерком — «Не свирепствую — не преодолим» И.П. Барсукову, по-французски П.С. Шереметеву — «J'y suis — j'y reste — phrase, qui m'a et vale per Мас-Магон» (историческая фраза генерала П. Мак-Магона: «Здесь стою, здесь останусь». — Е.С.) и для П.М. Садовского — «Слеп стал — от старца Дитятина». Сохранились также гравюры на дереве — портреты И.Ф. Горбунова в образе генерала Дитятина В.В. Матэ и его ученика Н.З. Панова.

И.Ф. Горбунов-Дитятин всегда исполнял свои монологи сидя, с удовольствием отвечал «ничтоже сумняся» на почтительные вопросы собеседников, с легкостью меняя тон от презрительного — по отношению к настоящему до возбужденного — по отношению к давно минувшему. С уверенностью можно сказать, что изображая генерала, И.Ф. Горбунов прибегал к костюмировке и гриму. Если он собирался выступить на собрании или на вечере, то намеренно приезжал в дом уже экипированным и загримированным. С этим связано довольно

много недоразумений. Среди гостей попадались люди, не знакомые с маской генерала Дитятина. Они слушали рассказы, вступали в полемику, ничуть не сомневаясь, что это реальное лицо.

По отрывистым ответам генерала и текстам монологов журнал «Русская старина» попытался воссоздать его биографию. Оказалось, что год рождения генерала точно определить невозможно, где-то между 1796 и 1797 годами, то есть во время восшествия на престол Павла I. Рассказывая о начале своей карьеры, генерал Дитятин и вовсе представлял то сподвижником Ивана Ивановича Дибича-Забалканского или Ивана Федоровича Паскевича — Эриванского, князя Варшавского, то, заговорившись, появлялся иногда в свите Александра Васильевича Суворова-Рымникского при взятии штурмом Праги в 1794 г.

«В чем состояли военные подвиги генерала Дитятина? Крови он не проливал. Подвиги его ограничивались на поприще мирной муштровки вверенных ему команд. Теперь, будучи не у дел, и уже давно, он является всюду, ко всему прислушивается, приглядывается, и если не читает газет и журналов, то судит о них, хотя вкривь и вкось, и притом, всегда с своей своеобразной точки зрения», — отмечает «Русская старина» [1, с. 8]. Естественно, что генерал Дитятин был суровым поборником дисциплины, неумолимым и постоянным врагом всех реформ, в особенности, что касается военного быта. Генерал тем не менее был против войны, так как война «портит солдат, пачкает мундиры и разрушает строй». Солдат, по мнению генерала, создан для караульной службы в мирное время, для вытяжки, муштровки, а «самая физиономия его для зуботычин». Грамотность и другие нововведения, которыми «увлекся» военный министр Д.А. Милютин, как считал генерал, не только портят, но и развращают солдата. Генерал не скупился на выразительные эпитеты в адрес «нигилиста Милютина», который подрывает такие «устои», как шпицрутены и розги. Само собой разумеется, что генерал Дитятин не понимал, какая такая «образованность» нужна, когда имеются «писаря», которые отлично умеют писать. Всеобщая воинская повинность приводила генерала сначала в негодование, а потом — в мрачное уныние и ожидание, что «там, наконец, образуются».

Сколько ни суров генерал Дитятин в своей непримиримой вражде к реформам по военному ведомству 1860–1870-х годов, в его жизни промелькнула однажды готовность воспользоваться некоторыми

новыми учреждениями, этими реформами созданными. Открылась военно-юридическая академия, и генерал вздумал было поступить туда, находя, что пост председателя военно-окружного суда, который по его мнению, неминуемо увенчал бы его успехи в этой академии, был бы вполне ему по плечу. И вот, следует рассказ почтенного ветерана о том, как он, генерал Дитятин, подавал прошение военному министру Д.А. Милютину о принятии его в военно-юридическую академию. О причинах отказа генерал Дитятин не любил распространяться, ограничиваясь лишь словом: мерзавцы! Изредка он недоумевал по поводу отказа и рассказывал о блестяще выдержанном экзамене, на котором ему предложили рассказать «о системе и мере наказаний по Миттермайеру». «Да! Как же помню, — отвечал старый служака, — был у нас в полку, в моей молодости, капитан Миттермайер, — система у него была, как и у всех, а мера...да меры он не соблюдал, а всыпал столько, сколько душе угодно, — как же! помню!» [9, с. 235].

О своей семье генерал почти ничего не рассказывал, только вспоминал иногда старшего брата, генерала Дитятина 1-го, также уволенного в запас в 1857 году. По рассказам Дитятина 2-го, Дитятин 1-й был «на смерть убит кирпичом», свалившимся на его голову с крыши военного министерства, что, конечно, окончательно разрушило репутацию этого учреждения в глазах генерала Дитятина 2-го. Еще он гордился дарованным ему правом носить георгиевские помочи, которые получил по завещанию от своей крестной матери, нежно им чтимой Марьи Савишны Перекусихиной.

Дитятин следил за наукой и о новых науках отзывался обычно с презрением. Посещал он и ученые собрания. На одном из медицинских съездов в Петербурге он даже выступил с речью «Нечто о повязке Листера», ловко чередуя современные медицинские термины с вышедшими из употребления терминами «Дел аптекарского приказа». Генерал Дитятин, естественно, следил за общественными движениями и внешней политикой. Ему принадлежит изречение, что всякое движение вперед в России начинается с левой ноги, но «с равнением направо». Частенько Дитятин хвастался своим визитом к самому Бисмарку и делился неблагоприятным впечатлением. Когда генерала Дитятина спрашивали: Ну, что Бисмарк? Он неизменно отвечал: Посредственность. Бисмарк, как сообщал Дитятин, ничего существенного не рассказал ему, а только произнес: «Алле меншень

муссень штербень». Дитятин по делу и без дела часто повторял фамилию имперского канцлера Германии, которая ему очень нравилась — Монтекукули. Королеву Викторию он называл Виг-тория, объясняя ее имя соединением двух партий — виг и тори, которых она помирила. Нечасто, под настроение, генерал Дитятин даже пел романсы, своеобразно заменяя слова. Например, вместо следуемых слов: «тучи черныя мой горизонт покрыли», он произносил по-военному: «тучи черныя мой гарнизон покрыли...» [13, с. 357].

Дитятин был знаком с литературой, но это знакомство почти замыкалось периодом Г.Р. Державина. Он весьма охотно и не без выражения цитировал М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, «красоты» действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева, снисходительно относился к И.А. Крылову и его басням. К А.С. Пушкину у генерала было отношение сложное. Он не мог простить ему вольнодумства и считал, что «добрый приятель Александр Христофорыч Бенкендорф, в опеке своей над Пушкиным, был слишком мягок и снисходителен».

Полупренебрежительное отношение к А.С. Пушкину не помешало, однако, Дитятину побывать в 1880 году в Москве на юбилее поэта и открытии памятника. В речи, сказанной после торжественного обеда, он совершенно неожиданно высказал свои симпатии к поэту, но с некоторыми оговорками, привел цитаты из его «воинственных» стихотворений, подчеркнув, что самая фамилия поэта — Пушкин — что-то родное военному делу и не может не радовать слух старого ветерана [1, с. 9].

Более благосклонно Дитятин относился к И.С. Тургеневу. Когда в 1878 году в честь русского писателя давали литературный обед в ресторане Бореля в Петербурге, на нем выступил с тостом генерал Дитятин. Следует отметить, что это была единственная речь И.Ф. Горбунова в маске Дитятина, которую он вынес на широкую публику, повторял впоследствии в концертах.

В этой торжественной речи генерал высказывал свое понимание истории и «истинного положения дел в нашей литературе». «Милостивые государи, — начинал генерал, — вы собрались сюда чествовать отставного коллежского секретаря Ивана Тургенева. Я против этого ничего не имею! По приглашению господ директоров, я явился сюда не приготовленным встретить здесь такое собрание русского ума и образованности... При всей своей гордости участия в столь высоком собрании И.Ф. Горбунов-Дитятин признался, что выступать

здесь очень трудно, «по разнице взглядов и по своему официальному положению», так как людей его эпохи «учили более осматриваться, чем всматриваться, больше думать, чем говорить; одним словом, учили тому, чему, милостивые государи, к сожалению, уже не учат теперь».

Обращая свой взор на литературу 1830–40-х годов, оратор вспоминал значимые события: «В начале 30-х годов, выражаясь риторическим языком, среди безоблачного неба, тайный советник Дмитриев внезапно был обруган семинаристом Каченовским. Подняли шум... Критик скрылся... Далее, генерал-лейтенант, сочинитель патриотической истории 12-го года, Михайловский-Данилевский был обруган. Были приняты меры... Критик испытал на себе быстроту фельдъегерской тройки... Стало тихо. Но на почве, усеянной, удобренной мыслителями 30-х годов, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колос, сорвавшийся со стебля в 40-х годах, были „Записки охотника“, принадлежащие перу чествуемого литератора, отставного коллежского секретаря Ивана Тургенева. В простоте сердца, я взял эту книгу, думая найти в ней записки какого-либо военного охотника. Оказалось, что под поэтической оболочкой скрываются такие мысли, о которых я не решился не доложить графу Закревскому. Граф сказал: „Я знаю“. Я в разговоре упомянул об этом князю Сергею Михайловичу Голицыну. Он сказал: „Это дело администрации, а не мое“. Я сообщил митрополиту Филарету. Он мне отвечал, что это — „веяние времени“. Я увидел, что-то странное. Я понял, что мое дело проиграно, и посторонился. Теперь я, милостивые государи, стою в стороне, пропуская мимо себя нестройные ряды идей, мнений, постоянно сбивающиеся с ноги, и всем говорю: ?хорошо!“. Но мне уже никто, как бывало, не отвечает „рады стараться, ваше превосходительство“, а только взводные с усмешкой кивают головой. Я кончил... И еще раз подымаю бокал за здоровье отставного коллежского секретаря, литератора сороковых годов Ивана Тургенева» [5, с. 9–11]. Смех присутствующих вызывал тот факт, что генерал говорил о И.С. Тургеневе как о литераторе 1840-х годов и признавал главным литературным достижением И.С. Тургенева «Записки охотника». И это в то время, когда не затихали споры вокруг романа И.С. Тургенева «Новь», который увидел свет в 1876 году.

Речи генерала Дитятин на общественном чествовании И.С. Тургенева (1878) и на собрании Московского общества драматических писателей по поводу открытия памятника А.С. Пушкину (1880) — не

единственные, где затрагиваются литературные и театральные темы. И.Ф. Горбунов-Дитятин выступал также на юбилеях художника И.К. Айвазовского (1887), поэта А.Н. Майкова (1888), писателя Д.В. Григоровича (1892). На французском языке генерал Дитятин высказывался о театральной критике перед французской труппой Михайловского театра в 1891 году в ресторане «Медведь». Один из участников юбилейного обеда Д.В. Григорович записал фрагмент речи Дитятин: «Пятьдесят лет тому назад была тоже литература. И хорошая литература... Литература доставляла высокие минуты наслаждения и успокоения даже, когда она касалась простого народа, которого принято было называть „поселянином“ или „добрым пахарем“. Все мы знали, что поселянин трудился на своей ниве, а покончив дневные труды, возвращался к своему очагу, в недра любящей семьи, где ждал его простой, но сытный стол и тихая, дружеская беседа. И вдруг явился господин Григорович и все спутал... Из поселянина он сделал мужика; из дневных трудов — непосильную работу; вместо простого сытного стола — подсунил хлеб с лебедой, да с осиновою корой, а вместо дружеской беседы полились горячие слезы...» [13, с. 359].

В трехтомном издании «Сочинения И.Ф. Горбунова» напечатана последняя речь генерала Дитятин в Дирекции императорских театров, произнесенная «При освящении танцевальной залы» (1891). Генерал сетует на изменения в театральном искусстве за пореформенные годы, называя современность «веком кутежа и наживы, где мы с вами влачим свое существование», отмечает изменения во вкусах и настроениях публики, которые невольно переживала наша сцена. Репертуар театров, где царствуют мелодрамы, фарсы и оперетты, репертуар новых развлекательных заведений с эстрадами (увеселительных садов, кафешантанов) пошатнулись, по мнению генерала, жертвенники богинь сценического искусства Мельпомены и Талии: «Не возвышающую душу драму, не улаждающую и веселящую сердце комедию несут к подножию их жертвенников, а раздирающую душу тоску, в пяти действиях, мещанскую скорбь в стихах, будни жизни, дурацкий куплет и злокачественную оперетку». И только на жертвеннике Терпсихоры, по мнению генерала, до сих пор «горит неугасимо божественный огонь» [6, с. 12–14].

К скудному опубликованному наследию генерала относятся также «Записная тетрадь старого москвича» 1875 года для «вписы-

вания мимолетных мыслей и заметок», а также пара писем графу С.Д. Шереметеву. В одном из писем Дитятин упоминает свои сочинения, представленные его величеству и «принятые благосклонно»: «Превосходство кремневого ружья. Мысли старого служака»; «Ошибки военачальника в битве при реке Калке. Военно-критический этюд»; «Неудобства пистонного запала»; «Возможность столкновения на реке Шпрее. Рассуждение» [4, с. 18]. В сочинениях и проектах генерал предлагал ввиду экономических соображений кормить солдат пресованными костями, ввести новое косвенное обложение — «налог на пуговицы», «вводить православие посредством пирогов» и т.д.

Особняком стоят сочинения И.Ф. Горбунова, где генерал Дитятин — не эстрадная маска, а литературный персонаж. Эти рассказы относятся к литературному наследию И.Ф. Горбунова позднего периода. Многие изменилось. Маска Дитятина как одного из типичных представителей определенного периода истории и общественной жизни в 1880–х годах потеряла актуальность. Но И.Ф. Горбунов, видимо, так и не смог с ней окончательно расстаться.

В рассказе «Ночь на Новый год» автор гуляет по улице, интересуется подготовкой к встрече Нового года, заглядывая на чердаки, в бедные и богатые квартиры. В одной из квартир богатого дома, где на столе «масса серебра и драгоценной посуды», на стенах дорогие картины, а рука хозяйки «начинает изнемогать от нанесенных ей поцелуев», поздравляет всех с Новым годом один из гостей — генерал Дитятин. В уста Дитятина И.Ф. Горбунов вложил свои мысли о будущем русского искусства, очищенном от западного влияния: «Так, художники имеют теперь в тылу злейшего врага — олеографию; музыканты бросили родные мотивы и атакованы немцами и, несмотря на все усилия, не могут пробиться сквозь вагнеровскую команду, хотя наши родные мотивы начинают уже касаться до чуткого немецкого уха. Современные драматурги пользуются драматическим фуражем в Германии и Франции, хотя любезное наше отечество, при таланте и внимательном его изучении, представляет для драматурга материал более обильный и для общества более полезный. Пью за самостоятельное русское искусство, чуждое иностранных заимствований...» [3, с. 22].

Еще один рассказ — о поездке Дитятина на богомолье в Киевскую лавру больше похож на жанровую сценку и исполнялся, скорее всего, «в лицах». Около лестницы, ведущей в пещеры Лавры, расположились

калеки и нищие. Слышны «перемолвки», «сопровожаемые разнообразными, подчас уродливыми жестами»:

«—Храмому подайте, батюшка!.. Сляпому!.. Томному чилавику!..

Перед лестницей столпилась группа посетителей — среди них господин с женою, генерал Дитятин, несколько богомольцев. Дама не хочет спускаться вниз, муж ее уговаривает.

— Пойдем!.. — Молчание: супруга усиленно занята своими перчатками. — Ну, что же?

—Ах, там па-ахнет!.., — вырывается наконец.

Монах, продающий свечи, успокаивает:

— Нет, сударыня, там очень приятный запах...

Наконец, жена соглашается. Открывается дверь, генерал делает движение пройти первым, но его опережает толпа старух, которые бросаются вперед. Генерал крикает и выражает неодобрение. Впереди идет монах, говорит нараспев тоненьким голосом, указывая на раку того или иного святого:

— Алипий, угодничек божий... Преподобный Дамиан-целебник... Марк Гробокопатель...

Генерал крестит живот, издает неопределенные звуки, богомольцы набожно прикладываются, дама делает гримасу...

— Преподобный Агапит, врач безвозмездный... Иоганн Многострадальный, — в ответ на что генерал громко фыркает „брррр!!!“

— Преподобный Нестор Летописец.

— А-а-а!.. вот он!.. Брррр!!! — вырывается у генерала.

— Оника воин... Никон Сухой... Преподобный Стефан...

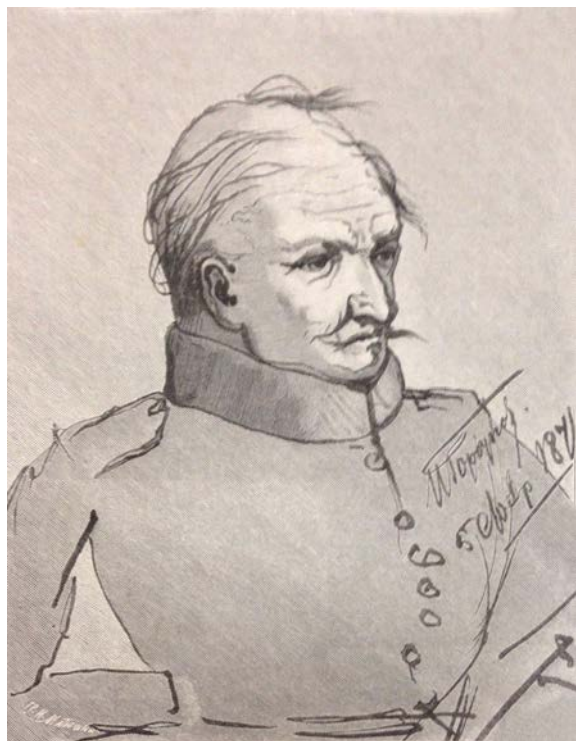
— Баторий?! Брррр!!! — спрашивает генерал.

— Не могу знать, ваше превосходительство, — отвечает монах, продолжая, — Преподобный Меркурий Постник... Преподобный Илья Муромец, — но тут генерал Дитятин прерывает монаха возгласом:

— Ну, а Соловья-Разбойника нет?» [10, с. 78].

Эстрадная маска генерала Дитятина была не единственной маской ретрограда и «бурбона» в начале 1860-х годов. Близки по духу генералу Дитятину литературные маски — Козьмы Пруtkова и майора Бурбонова.

Под литературной маской и псевдонимом Козьмы Пруtkова, «директора Пробирной палатки и поэта» в 1850–60-х годах выступали в журналах «Современник» и «Искра» А.К. Толстой и братья Алексей,

Илл. 2. Генерал Дитятин.
Рис. И.Ф. Горбунова с автографом. 1871 г.

Владимир и Александр Жемчужниковы. Образ Козьмы Пруткова был проработан создателями до мельчайших подробностей. Козьме Пруткову придумали подробную биографию, семью и место службы. Во время подготовки к печати сборника произведений Козьмы Пруткова в 1853 году Л.М. Жемчужниковым, родным братом создателей маски, выполнен в карандаше «вымышленный портрет» Козьмы Пруткова. Интересно, что создатель маски генерала Дитятин И.Ф. Горбунов сам сделал карандашный набросок портрета генерала Дитятин, правда, не очень удачный. Это произошло на заседании комитета Санкт-Петербургского собрания художников в 1871 году. Впоследствии художник И.И. Матюшин воспроизвел в своей гравюре вполне точный снимок с рисунка И.Ф. Горбунова.

Литературную маску майора Бурбонова создал в эти же годы поэт Д.Д. Минаев, один из авторов сатирического журнала «Искра».

Биография майора Бурбонова создателем не описана, но Д.Д. Минаев наделил вымышленного майора говорящей фамилией: от слова «бурбон» — династии французских королей. Так в России XIX века называли грубых, невежественных солдафонов. От имени этого отставного майора в 1867 году вышла книга стихов «Здравия желаю!». Для этого вояки, как и для генерала Дитятин, в воинской службе самое главное — выправка и маршировка:

Жизнь наша — вроде плац-парада.

И в зной, и в холод на ветру

Маршировать тем плацем надо,

Как на инспекторском смотре... [7].

Майор Бурбонов, как и Дитятин не чужд литературе. Он благоволил к П. Бомарше, потому что «beau marcher», по его мнению, переводится как «хорошо маршировать». И звезды, даже на небе, для Бурбонова — прежде всего, знаки отличия, как и для Козьмы Пруткова («Знать, за важные заслуги, звезды, небу вы даны!»).

В начале XX века маска генерала Дитятин возродилась уже как литературная, через 12 лет после смерти своего создателя. В 1907 году в Санкт-Петербурге вышел сатирический сборник Вишнякова Н.П. (псевдоним — Л. Теннис) — писателя, публициста и автора трудов по военному праву. Он назывался «Из архива генерал-майора и кавалера И.Ф. Дитятин 2-го. Мемуары и переписка». Сборник сложился из уже напечатанных воспоминаний и писем генерала Дитятин-2 в «Военном Голосе» в 1906–07 годах. Надобность в сатирическом обличье генерала появилась после поражения России в русско-японской войне, которая стала предвестником больших социальных и политических перемен в обществе. Война обнаружила не только полную непригодность русского флота, но и целый ряд изъянов сухопутной армии — в первую очередь, отсутствие знаний, бюрократический формализм и произвол высших чинов.

Обращает на себя внимание, что Дитятин приобрел инициалы своего создателя Ивана Федоровича Горбунова. Биография генерала Дитятин была несколько дополнена автором. Например, генерал Дитятин пишет, что он сын бедных, но благородных родителей и что его отец служил для особых поручений при его сиятельстве, самом графе Алексее Андреевиче, в селе Грузино. С гордостью и «слезами умиления» генерал вспоминает, что в детстве был обласкан внима-

нием графа — «по его повелению четырежды был дран нещадно за мальчишеские провинности, а раз даже удостоился собственноручной зуботычины» [12, с. 7]. Из мемуаров узнаем, что генерал получил свой ранг в 1856 году, после того как штаб-лекарь Н.И. Пирогов проделал ему «операцию чистки мозгов». Генерал упоминает, что этот рассказ был записан и опубликован «неким актером и литератором, не имевшим впрочем даже классного чина, Иваном Горбуновым» [12, с. 8].

В мировоззрении генерала ничего не поменялось. «Мудрость — это наша привилегия, привилегия стариков», — пишет генерал и выражает свое согласие с мыслью старого друга, действительного статского советника Козьмы Петровича Пруткова, что «лишь на государственной службе познаешь истину». Владелец истины генерал Дитятин видит свою главную задачу в спасении России. Рецепт спасения, по словам Дитятина, был им предложен лет тридцать назад совместно с «ветлужским помещиком Поскудниковым». Проект «О растрелянии и благих онаго последствиях» взят из «Дневника провинциала в Петербурге» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Первые главы мемуаров посвящены событиям реформы армии начала 1860-х годов, русско-турецкой войне. Благословенными генерал считает 1880-е годы, когда на необозримом пространстве Империи Российской «водворились тишь, гладь и благодать» и в войсках было решено внедрить вновь «неуклонную дисциплину» [12, с. 13]. В 1899 году генерал Дитятин сопровождал «его высокопревосходительство Алексея Николаевича» (А.Н. Куропаткина. — *Е.С.*) в поездке по Сибири, на Восток и в Японию — «державу гейш и макак».

Генерал Дитятин, как и раньше, считал, что «война портит армию и огорчает начальство», особенно русско-японская война: «Война внешняя, с какими-нибудь желтолицыми макаками, ведущими ее не по нашему, а по каким то особым правилам, — это нежелательная и несчастная случайность для военачальника...» [12, с. 6]. Тем не менее он отправился на театр военных действий и понял, что «начальству жилось на самом театре войны гораздо привольнее, чем на мирном положении» [12, с. 52]. С этих пор Дитятин решил записаться в военные историографы для сочинения жизнеописаний славных героев из числа генералов и штаб-офицеров. На Востоке генерал «неусыпно занимался и другими» государственными и военными делами первостепенной важности — борьбой со зловредными китайскими

жабами и лягушками, сочинением рисунка решетки вокруг садика его превосходительства «в новейшем вкусе декамероновского стиля» (имеется в виду декаданс. — *Е.С.*) и т.д. После сдачи Порт-Артура генералом было «придумано производство для достижения славы рекогносцировок, разведок и иных боевых экскурсий». «Вреда от них быть не могло, разве иногда ухлопывали несколько десятков человек, но зато умиравших героями», — со всей откровенностью делился старый вояка [12, с. 68].

Как член общества «хоругвеносцев-инвалидов» спасение России генерал Дитятин видел в определенном устройстве армии и воспитании солдат. Его взгляды полны оригинальных изречений: «небольшая беда, ежели и совсем изгонят из войск офицеришек, лишь бы достаточно генералов осталось», «лишь в мелочной, бездушной демократической точке зрения можно утверждать, что прикосновение к казенной собственности есть хищение», «что попадетса под руку, то и служит предметом обсуждения», «помаленьку, да полегоньку, тяп да ляп, глядишь и вышел корабль», «лучшая система — это отсутствие всякой системы» и т.д.

Издание содержит также переписку генерала Дитятина с почтенным другом — полковником Скалозубом, племянником — поручиком Собачкиным и крестником — Иваном Тихониным. Приободрив себя 60-м афоризмом из собрания мыслей и афоризмов «Плоды раздумья» (1854) Козьмы Пруткова «И терпентин на что-нибудь полезен...», помещенным в книгу в качестве эпитафии, генерал Дитятин уверен, что еще проявит себя: «Мы доживем, не сомневаюсь, и до второй японской войны, а может быть, и переживем ее... Можно не беспокоиться и за будущее, нужно лишь одно: терпение, терпение, терпение...» [12, с. 1]. И он оказался прав. После 1910 года, воспользовавшись маской генерала Дитятина, с рассказами от его имени начинает выступать артист Малого театра, рассказчик В.Ф. Лебедев (1871–1952). Его генерал Дитятин, посмотрев в московском Художественном театре несколько спектаклей, делает строгое внушение артистам. Таким образом, при обычной недолговечности эстрадных масок, генералу Дитятину удалось, преодолев некоторые метаморфозы, прожить более полувека.

Список литературы:

- 1 Генерал Дитятин. Характеристический очерк. 1796–18... / Русская старина. 1883 // РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 1916. С. 8–10.
- 2 Горбунов И.Ф. Дневники // Сочинения И.Ф. Горбунова в 3 т. Т. 3. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 590 с.
- 3 Горбунов И.Ф. Ночь на Новый год // Соч. И.Ф. Горбунова в 3 т. Т. 2. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 362 с.
- 4 Горбунов И.Ф. Приезд шаха Персидского (Письмо графу С.Д. Шереметеву) // Соч. И.Ф. Горбунова в 3 т. Т. 2. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 362 с.
- 5 Горбунов И.Ф. Речь на обеде в честь Тургенева // Соч. И.Ф. Горбунова в 3 т. Т. 2. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 362 с.
- 6 Горбунов И.Ф. Речь, сказанная генерал-майором Дитятиным при освящении танцевальной залы в Дирекции Императорских Театров, 28 сентября 1891 года // Соч. И.Ф. Горбунова в 3 т. Т. 2. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 362 с.
- 7 Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя [Электронный ресурс] // URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000070/st009.shtml> (дата обращения 15.01.2019).
- 8 Истомин В.К. Иван Федорович Горбунов // Соч. И.Ф. Горбунова в 3 т. Т. 3. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 590 с.
- 9 Кони А.Ф. Иван Федорович Горбунов // Соч. И.Ф. Горбунова в 3 т. Т. 3. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 590 с.
- 10 Кузнецов Е.М. Иван Федорович Горбунов. Л.: ВТО, 1947. 112 с.
- 11 Письма А.Н. Островского П.М. Садовскому // ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Ф. 240. Ед. хр. 21. Оп. 1. С. 2.
- 12 Теннис Л. Из архива генерал-майора и кавалера И.Ф. Дитятина 2-го. Мемуары и переписка. СПб.: Тип-я «Экономия», 1907. 128 с.

References:

- 1 General Dityatin. Harakteristicheskij ocherk. 1796–18... [General Dityatin. Characteristic essay. 1796–18 ...]. *Russkaja starina*. 1883. RGALI. F. 191. Op. 1. Ed. hr. 1916. L. 8–10. (In Russ.)
- 2 Gorbunov I.F. Dnevnik [Diaries]. *Sochinenija I.F. Gorbunova* [Works by I.F. Gorbunov]. In 3 vols. Vol. 3. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1907. 590 p. (In Russ.)
- 3 Gorbunov I.F. Noch' na Novyj god [New Year's Eve]. *Sochinenija I.F. Gorbunova* [Works by I.F. Gorbunov]. In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1907. 362 p. (In Russ.)
- 4 Gorbunov I.F. Priezd shaha Persidskogo (Pis'mo grafu S.D. Sheremetevu) [The arrival of the Shah of Persia (Letter to Count S.D. Sheremetev)]. *Sochinenija I.F. Gorbunova* [Works by I.F. Gorbunov]. In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1907. 362 p. (In Russ.)
- 5 Gorbunov I.F. Rech' na obede v chest' Turgeneva [Speech at a dinner in honor of Turgenev]. *Sochinenija I.F. Gorbunova* [Works by I.F. Gorbunov]. In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1907. 362 p. (In Russ.)
- 6 Gorbunov I.F. Rech', skazannaja general-majorom Dityatinym pri osvjaschenii tanceval'noj zaly v Direkcii Imperatorskij Teatrov, 28 sentjabrja 1891 goda [Speech delivered by Major General Dityatin during the consecration of the dance hall in the Directorate of the Imperial Theaters, September 28, 1891]. *Sochinenija I.F. Gorbunova* [Works by I.F. Gorbunov]. In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1907. 362 p. (In Russ.)
- 7 Dmitriev V.G. Skryvshie svoe imja [Hiding your name]. Available at: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000070/st009.shtml> (accessed 15.01.2019). (In Russ.)
- 8 Istomin V.K. Ivan Fedorovich Gorbunov [Ivan Fedorovich Gorbunov]. *Sochinenija I.F. Gorbunova* [Works by I.F. Gorbunov]. In 3 vols. Vol. 3. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1907. 590 p. (In Russ.)
- 9 Koni A.F. Ivan Fedorovich Gorbunov [Ivan Fedorovich Gorbunov]. *Sochinenija I.F. Gorbunova* [Works by I.F. Gorbunov]. In 3 vols. Vol. 3. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1907. 590 p. (In Russ.)
- 10 Kuznecov E.M. *Ivan Fedorovich Gorbunov* [Ivan Fedorovich Gorbunov]. Leningrad, VTO Publ., 1947. 112 p. (In Russ.)
- 11 *Pis'ma A.N. Ostrovskogo P.M. Sadovskomu* [A.N. Ostrovsky's letters to P.M. Sadovsky]. GCTM im. A.A. Bahrushina. F. 240. Ed. hr. 21. Op. 1. L. 2. (In Russ.)
- 12 Tennis L. *Iz arhiva general-majora i kavaleri I.F. Dityatina 2-go. Memuary i perepiska* [From the archive of Major General I.F. Dityatin the 2nd. Memoirs and correspondence]. St. Petersburg, Tip-ja "Jekonomija" Publ., 1907. 128 p. (In Russ.)